

МИФОЛОГЕМА «ЛЕБЕДЬ» В РУССКОЙ ЛИРИКЕ XIX ВЕКА

Ольга ГЕРЛОВАН, Доктор, конференциар, ТГУ

Abstract. *The study addresses the mythologeme of “swan” in the work of 19th-century Russian poets. The author focuses on the poems of G. R. Derjavin, F. I. Tiutcev, V. A. Jucovschi. Based on a comparative analysis the paper reveals the ideological and artistic peculiarities in the use of mythopoetic tradition by the Russian poets.*

Abstract. *Lucrarea dată este axată pe mitologema “lebedei” în lucrările poezilor ruși din secolul al XIX-lea. Autoarea examinează textele poeziilor lui G. R. Derjavin, F. I. Tiutcev, V. A. Jucovschi. În baza unei analize comparative studiul dezvăluie particularitățile ideologice și artistice în utilizarea tradiției mitopoetice de către poeții ruși.*

«Природа, общество и весь мир, чем они глубже воспринимаются и изучаются человеком, тем более наполняются разнообразными символами, получают разнообразные символические функции, хотя сами по себе и объективно они вовсе не являются только нашими символами,» - писал выдающийся русский ученый А.Ф. Лосев [9, 194]. Последнее чрезвычайно важно для понимания художественного произведения, которое не только возникает органически и закономерно в определенную историческую эпоху, несет в себе элементы мироотношения, самосозерцания и самодовления, но и изначально нацелено воздействовать на сознание читателя, убеждать, заставлять чувствовать, думать, сопереживать, одним словом – на читательский отклик. По справедливому замечанию Лосева, всестороннее воздействие художественного произведения на читателя возможно только при помощи символа [9, 194]. Материалом последнего может служить не только окружающая действительность, хотя она, безусловно, является первичной, но и мифы как первый опыт человечества восприятия и познания мира вокруг себя.. Именно поэтому целью нашего исследования является определение своеобразия художественного воплощения мифологемы «лебедь» в поэтических творения Г.Р. Державина, Ф.И. Тютчева, В.А. Жуковского.

Следует отметить, что «загадочность поэтического образа лебедя и всего, что окружает эту прекрасную и неизъяснимо печальную птицу» попытался прояснить М.Ф. Мурьянов [11, 50-54]. Ученый приводит этимологию слова «лебедь» и отмечает, что «славянское и германское названия этой птицы объяснимы как слова, этимологически родственные индоевропейским цветообозначениям – латинскому *albus* «белый» и греческому <...>, обозначающему матовую, неблестящую белизну» [11, 52]. Однако, по утверждению Мурьянова, это было далеко не единственное значение слова «лебедь». Существовало и общегерманское название «лебеда», представленное древнескандинавским существительным, буквальное значение которого «певец» [11, 52]. Отсюда, по мнению филолога, в древнерусской литературе, в частности в «Слове о полку Игореве», образ лебедя связан с величальной песнью. Поэтика лебедя, вбирающая сочетание образа лебедя со струнной музыкой, по мнению Мурьянова, – «это северный вклад в двигавшуюся с юга христианскую культуру» [11, 53]. Исследователи отмечают, что в русской традиции наблюдаются противоречивые принципы религиозного и эстетического отношения к лебедю.

Едва ли не первым в русской лирике к образу лебедя обращается Г.Р. Державин в произведении «Лебедь» (1805), являющимся вольным подражанием оде Горация «К меценату» [3, 218]. Стихотворение «Лебедь» входит в ряд произведений поэта, решающих проблему бессмертия, поэтического творчества,

славы: «Мой истукан» (1794), «Памятник» (1795), «Лирика» (1801-1816). Особенность художественного решения проблемы поэтической славы поэта характеризуется его неуверенностью, сомнениями в том, насколько он имеет право мыслить о собственном величии [8].

Образ лебедя возникает сразу же в первой строфе. А.В. Азбукина полагает, что здесь «отделение души от тела и уход ее в иной мир сравнивается с полетом лебедя» [1, 15]. Интерпретация этой строфы может быть, на наш взгляд, дополнена и иными смыслами. «Необычайное паренье» лирического героя может пониматься и как его поэтическое вдохновение, которое уносит поэта от этого земного «тленного» мира и сравнивается с пареньем лебедя. Примечательно, что сравнение «как лебедь» разрывает выражение на две части и может относиться и к части «с душой бессмертной и пеньем», и «в воздух поднимусь». Аргументом такого понимания может служить первая строка второй строфы: лирический герой говорит о своем «двойном» «нетленном» образе: души человеческой и поэтической. В следующих трех строфах лирический герой размышляет о своем бессмертии не столько как человека, но, прежде всего, как поэта: «и самой смертью предпочтусь», «не заключит меня гробница», «не превращусь я в прах», раздастся в голосах [3, 166]. Две последние строки четвертой строфы – «Но, будто некая цевница, // С небес раздался в голосах» - соотносится с двумя последними строками первой строфы. Мы можем рассматривать «цевницу» и «лебедя» в одном ряду при несомненной доминанте образа лебедя, о чем свидетельствует пятая строфа, в которой представлена метаморфоза лирического героя в лебедя. Державин использует традиционный античный мотив обращения в лебедя, составляющий часть мифологического и сказочного сюжета. Безусловно, обращенность поэта к лебедю соотносится с мифологическими представлениями о способности души странствовать по небу в образе лебедя [10, 40-41]. Однако совершающаяся метаморфоза – это своеобразная метафоризация быть услышанным и понятым, поскольку ему, «любимцу муз», дано видеть больше, чем простому смертному: «Лечу, парю – и под собою // Моря, леса, мир вижу весь; // Как холм, он высится главою, // Чтобы услышать богу песнь» [3, 166]. Последняя строка может быть понята, как намек на свое собственное сочинение – оду «Бог» (1784).

В трех следующих строфах лирический герой надеется, что «со временем» о нем узнают народы на всем пространстве «С Курильских островов до Буга // От Белых до Каспийских вод» и по достоинству определяют его главное достоинство как поэта: «Языком сердца говорил» [3, 166]. Последняя строфа стихотворения противопоставляет предыдущим своей эмоциональной тональностью. Лирический герой как бы отмахивается от своих мыслей-образов о смерти, заслугах, славе,

бессмертии, поскольку речь идет лишь о «мнимом мертвец» и, вероятно, от осознания не скромности своих желаний и притязаний.

Совершенно иным предстает воплощение мифологемы «лебедь» в стихотворении Ф.И. Тютчева «Лебедь» (1828-1829) [16, 109]. Уже Ю.Н. Тынянов отмечал: «Сопоставление (символическое) орла и лебедя было излюбленным в европейской поэзии, причем в этом символическом состязании побеждал орел, у Тютчева победа за лебедем» [15, 364]. Исследователи полагают, что возможными источниками стихотворения Тютчева могут быть произведения Шиллера, Цедлица, Гюго [14], Ап. Мальтица [5]. Мотивами обращения к данной мифологеме называют существовавшую в начале XIX века полемику по вопросам развития русской литературы, диалог русского поэта со своими братьями по перу.

Поэтическое произведение небольшое по объему, всего три строфы, строится на противопоставлении образов орла и лебедя. О последнем свидетельствуют стоящие в сильной позиции побудительный глагол «пускай», с которого начинается первая строфа, и противительный союз «но», стоящий в начале второй строфы. Образу орла отводится лишь первая строфа, представляющая его не через описание, а через действие: «встречает», «впивает». Заметим, что орел – один из распространенных символов в мифологиях различных народов мира. По древнерусской традиции эта птица связана с облаками, небесами, воздухом [4, 109]. В.Н. Топоров замечает, что Тютчев вслед за литературными источниками разрабатывает «мифологему спора» лебедя и орла [14, 41-47]. На наш взгляд, о споре как таковом можно говорить только исходя из внетекстового контекста. Сам же текст позволяет утверждать, что для лирического героя, не смотря на достоинства самого сильного в царстве птиц – орла, ближе «чистый лебедь». У Тютчева образ орла создан согласно мифологической традиции: «за облаками встречает молнии полет», «в себя впивает солнца свет». В отличие от орла, для которого автор использует лишь один эпитет по отношению к его глазам – «неподвижными очами», образ лебедя дважды сопровождает эпитет «чистый» - «о лебедь чистый», «чистой стихией» одело его божество. Можно говорить о чрезвычайной семантической наполненности слова «чистый»: в прямом значении – «не загрязненный», «совершенный»; в переносном – «лишенный лжи и коварства», «нравственно безупречный», «свободный от скверны», «угодный божеству». Этот эпитет вбирает в себя внешнюю и внутреннюю, сущностную оценку: внешнее под стать внутреннему и наоборот. Именно в этой гармонии образа лебедя кроется завидность его судьбы для лирического героя. Лебедь выступает здесь угодным божеству, и именно поэтому обладает «всезрящим сном», «славой», принадлежит двум безднам. Можно предположить, что лебедь

здесь олицетворение души, что для Тютчева ценнее любых физических качеств. Тютчевский образ лебедя не противоречит мифологическому образу, который выступает символом чистоты, целомудрия, пророческих способностей, жизни и добра [10, 41].

Стихотворение В.А. Жуковского «Царскосельский лебедь» (1851) открывается обращением к «царскосельскому лебедю», вид которого обратил на себя внимание автора, поразил его и вызвал размышление, на своеобразный диалог. Возникает персонифицированный образ одинокого всеми забытого и покинутого старого «белогрудого», «белокрылого» лебедя. Автор называет его «отшельником хилым», подчеркивает его «нелюдимое» состояние и уединенное местоположение. Мотивы одиночества, старости, возникшие в первых строках стихотворения, станут лейтмотивом произведения. А главная эмоциональная тональность – меланхолическая грусть о былом, настроения отрешенности от настоящего. Царскосельский лебедь «думой одинокой» поминает своих «давнишних спутников», которых он пережил, чему совсем не рад («сетуя глубоко»). Из своего «уединенья» «грустными очами» он наблюдает за «молодым поколением». Старость царскосельского лебедя, настроения заката жизни усиливаются определениями-названиями по отношению к нему – «сумрачный пустынный», «брошенный обломок», подчеркивающие невозможность возврата к былому состоянию и притяжения новой жизни: *«...прежнего единый // Брошенный обломок, в новый лебединый // Свет на пир веселый гость не приглашенный, // Ты вступишь дичишься в круг неблагосклонный // Резвой молодежи...»* [6].

Образ старого лебедя противопоставлен «молодому поколению» лебедей. Можно, вероятно, говорить о своеобразном конфликте – неприятие «новым» «старого» и наоборот. Об этом свидетельствует созданная автором картина «лебединого света» утром, днем, вечером. Этот «новый лебединый свет» полон движения, звуков, для него характерен «шум резвой жизни», создаваемый «плаваньем», «плесканьем», «боем крыл могучих», «купаньем», звонкими окликающими молодых лебедей. Полный «кипеньем жизни» мир недоступен старому лебедю, образ которого наводит на молодое поколение скуку. Но вместе с тем такая «жизнь молодежи», «младого племени» воспринимается, кажется ему, «старика печальному», «ветрено летящей // Вслед за быстрым мигом жизни настоящей». В противовес этой «новой жизни» создается картина былой жизни, «настоящей жизни» старого лебедя, «монументальный образ» которого «молодость... резвую пугает».

Монументальность образа старого лебедя поддерживается обращениями автора «старец», «пращур лебединый», придающие ему величавость, значительность, перечислением событий, свидетелем которых он был и тем, что он является

современником «славного века Екатерины», «века Александра», «века Николая», способным видеть, *«как вся Русь святая // Вкруг царевой силы,.. вьется под короной Царской, от окрестных бурь ища защиты»*. Следует отметить, что здесь усиливается, углубляется метафоризация образа старого лебедя, за которым угадывается сам поэт, его жизнь и судьба. Жуковский родился в век Екатерины, сформировался и творил в век Александра и угасает в век Николая. Это именно он горд пережитым, своим сопричастием к великой российской истории – *«Памятников гордых битве под Чесмою, // Битве при Кагуле воздвижение зрел ты»*. Это именно поэт уподобляет «Русь святую» «вековому зеленому плющу» и «цареву силу» - «силе дуба», в чем проявились его общественные взгляды как убежденного монархиста.

Своеобразная картина жизни царскосельского лебедя завершается сценой его угасания, которая рисует преобразование «отшельника хилого». Это уже не «печальный», «хилый», «сумрачный» лебедь. Он предстает перед своими собратьями «вновь помолоделый», «радостно вздымая перья», с «гордо распрямленной» головой, «воспламененный» в момент прощания с жизнью, когда он «пел...гимн свой лебединый». Его голос «раздался чудесно» из «шума резвой жизни», «пронзивший» бездну поднебесной, как диссонанс по отношению к современной жизни. Он взмывает в небо и мертвый низвергается с высоты. Но и мертвый его образ прекрасен, подобен летящему лебедю с «широко раскинувшимися крыльями», и только «взор» выдает его состояние - устремлен в небеса, но, увы, «уж негорящий».

В приведенном эпизоде Жуковский использует известную мифологему – «умирающий лебедь, в минуту смерти взмывающий вверх навстречу небу и солнцу, издающий последний крик и мертвым низвергающийся в воду» [10, 41], получившую в этом стихотворении свое поэтическое завершение.

Заметим, что сюжет стихотворения жил в творческом сознании поэта давно. 19 мая 1825 года Александра Андреева Воейкова, кузина поэта, в девичестве Протасова, записала в своем дневнике: «Жуковский сделал сегодня восхитительное сравнение между следом, который лебедь оставляет на воде, и жизнью человека, которая должна всегда протекать бесшумно, оставляя за собою светлый и сияющий след, взирая на который отдыхает душа» [2, 390-391].

Впервые к образу умирающего лебедя Жуковский обращается в 1827 году в стихотворении «Умирающий лебедь», которое, вероятно, может восприниматься как поэтическая зарисовка к будущему метафорическому образу (стихотворение впервые напечатано в издании «Отчет Публичной библиотеки за 1884 г.»). В названном стихотворении образ «дряхлового», старого лебедя, прощающегося с жизнью, в последнюю минуту жизни сладко поющего, восхищает голубочка

сизокрылого и вызывает у него уныние и грусть. Но вместе с тем, это просветленная грусть, поскольку *«Для сердца и рассудка // Смерть его святой урок! ... // кто на свете жил прекрасно, // Тот прекрасно и умрет!»* [6, 114]. Очевидно, что произведение «Царскосельский лебедь» развивает, аргументирует последние строки: поэт представляет достойную жизнь героя стихотворения и подстать этой жизни величавую смерть. Кроме того, композиционное решение «Царскосельского лебедя» в какой-то степени повторяет канву «Умиряющего лебедя»: если прочитать начальные строки и последнюю часть анализируемого стихотворения, то создается впечатление увиденной картины одного дня – сцена ухода в небытие Царскосельского лебедя. Но замысел поэта намного шире.

Героем нашего стихотворения является не просто Царскосельский лебедь, о чем мы уже говорили. Это персонифицированный образ, за которым угадывается сам поэт, его жизнь и судьба. Поэтому для углубления постижения смысла произведения обратимся к историческим фактам.

Стихотворение «Царскосельский лебедь» - это одно из последних произведений поэта, созданное им уже в состоянии полной слепоты в конце ноября начале декабря 1851 года в Германии, после так и неудавшегося переезда в Россию, о котором он так мечтал. 7 декабря 1851 года Жуковский напишет П.А. Плетневу: «Посылаю Вам мои новые стихи, биографию Лебедя, которого я знал во время оно в Царском Селе... Мне хотелось просто написать картину Лебедя в стихах, дабы моя дочка выучила наизусть; но вышел не простой Лебедь; посылаю его Вам; может быть, в его стихотворной биографии вы найдете ту же сатирическую хилость ее автора, какой страдал описанный им Лебедь» [2, 390-391]. Кроме того, на одном из экземпляров сборника «Стихотворения, посвященные Павлу Васильевичу и Александре Васильевне Жуковским», где впервые было опубликовано стихотворение, под диктовку Жуковского было написано: «Этот лебедь не выдумка, а правда. Я сам видел в Царском Селе старого лебедя, который всегда был один, никогда не покидая своего пруда, и когда являлся в общество молодых лебедей, то они поступали с ним весьма неучтиво. Его называли Екатерининским лебедем» [2, 390-391].

Как явствуют документальные свидетельства, поэт воспроизводит образ реально существовавшего старого лебедя, вызвавшего мысли, чувства, размышления поэта о жизни человека, о собственной жизни. Именно поэтому получился «не простой Лебедь». Через образ лебедя поэт передал, раскрыл, обнажил, биографию своей души, свои волнения и думы, что позволило его современникам воспринять образ лебедя своеобразным символом поэта. П.А. Плетнев, В.Н. Майков, П.А. Вяземский не только пришли в восторг от стихотворения, отметив «восхитительные картины», «глубоко трогательные мысли», соединенные «в

жизни старика-лебедя», но и прямо обращаются в письмах к Жуковскому «мой старый лебедь», «пращур лебединый» [2, 391]. А П.А. Вяземский над могилой поэта сочинит стихотворение, в котором Жуковский предстанет «Лебедем величавым»:

Ты, наш Лебедь величавый,
Утро, полдень и закат
Совершивший в блеске славы,
Лучший друг и старший брат!
Ты, Карамзина наследник,
Тот же отрок и мудрец,
Речью – блага проповедник,
Жизнью – блага образец [13, 157].

В.В. Афанасьев справедливо отметил, что стихотворение «Царскосельский лебедь» - это «полная высокой печали, совершенная в своей поэтической красоте элегия, в полном смысле слова лебединая песня Жуковского...», истоки которой «в глубине жизни поэта» [1, 391]. Состояние одиночества, отшельничества, уединенности Лебеда сродни авторскому состоянию, положению поэта, находящегося вдали от Родины, от друзей, которых либо уж нет, либо их разделяют огромные расстояния: *«Спутников давнишних, прежней современных // Жизни, переживши, сетуя глубоко, // Их ты поминаешь думой одинокой!»*. Не случайно поэт употребляет местоимение «ты» применительно к Лебедю. Это свидетельство душевного родства поэта и лебеда. Их переполняют чувства грусти, печали, одиночества, возникшие от чуждости им «нового», «иногo» мира и чуждости их этому новому миру. Вместе с тем этот конфликт не создает преграды, не мешает быть очарованным вечной, незыблемой красотой мира – «на водах широких», «на виду царевых теремов высоких», «пред Чесменской гордо блещущей колонной» «голубое лоно озера», «в зеркале прозрачной влаги» лебеди «длинной вереницей, белым флотом стройно // Плавают в сиянье солнца по спокойной // Озера лазури...» и т.д. Поэт, воссоздавая красоту окружающего мира использует обилие цветowych, оценочных эпитетов, что помогает зримо представить картину, а использование инверсированного построения предложений придает ей величавость, неторопливость описанию. Однако в восприятие героем этой красоты вторгается щемящее чувство грусти – герой не видит себя в этом мире красоты, он лишь сторонний наблюдатель, он лишний, ненужный на этом пиру жизни. Его удел – воспоминанье: перед взором проходит вся наполненная жизнь, не мыслимая в разрыве от жизни «Руси святой». Но если герой рождается, стареет и угасает, то «Русь святая», Родина крепнет, мужает, отсюда и возникает метафорическое сравнение. Образ «святой Руси» вносит

дополнительные смыслы: причастность к ее вечной жизни объясняет высоту, величавость последнего мига героя. Последняя лебединая песня поэта воспринимается как последняя песня поэта, в которой явилась вся душа поэта, пламенная, мощная, прекрасная, рвущаяся в высь, в вечность...

Проведенный анализ позволяет сделать следующий вывод: мифологема «лебедь» воплощается поэтами самобытно и неповторимо: метаморфоза лирического героя в лебедя у Державина мыслится как спасение от забвения; у Тютчева лебедь выступает символом поэтической души; образ Лебеда в стихотворении Жуковского воспринимается как символ самого поэта, его жизни, высоты его поэзии, символ его души.

Литература

1. Азбукина А.В. Образ-символ птицы в поэзии Державина/ Электронная библиотека филологического факультета КГУ: Державин глазами XXI века: (К 260-летию со дня рождения Г.Р. Державина). Казань: Казан.гос.ун-т, 2004 – <http://old.kpfu.ru/f10/bibl/resource/articles>
2. Афанасьев В.В. Жуковский М., 1986.
3. Державин Г.Р. Стихотворения /Вступит.ст. и примечания В.А. Западова. М., 1983.
4. Древнерусская литература. Изображение природы и человека. М., 1995.
5. Динесман Т.Г. О датировках и адресатах некоторых стихотворений Тютчева – <http://feb-web.ru/feb/tyutchev/chronics/ltl/ltl-2773.htm>
6. Жуковский В.А. Сочинения / Вступ. ст. Г.Н. Поспелова, подгот. текста и примеч. В.П. Петушкова. М.-Л., 1954.
7. Жуковский В.А. Эстетика и критика. М., 1985.
8. Клейн Иоахим. Поэт-самохвал: «Памятник» Державина и статус поэта в России XVIII века – <http://magazines.russ.ru/nlo/2004/65/klein10.html>
9. Лосев А.Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. М., 1976.
10. Мифы народов мира: В 2х т. М., 1992. Т. 1.
11. Мурьянов М.Ф. Из символов и аллегорий Пушкина. М., 1996.
12. Непомнящий И. «О нашей мысли обольщенье». О лирике Ф.И. Тютчева. Брянск, 2002.
13. Свой подвиг совершив: О судьбе произведений Г.Р. Державина, К.Н. Батюшкова, В.А. Жуковского. М., 1987. С. 157.
14. Топоров В.Н. Заметки о поэзии Тютчева //Тютчевский сборник. Тарту, 1990. С. 32-104.
15. Тынянов Ю.Н. Архаисты и новаторы. Л., 1923.
16. Тютчев Ф.И. Стихотворения. Ставрополь, 1988.